



Александр Восьмой

**Защетка Колдуна
Паутина**

18+

Александр Восьмой

Защетка Колдуна Паутина

«Автор»

2026

Восьмой А.

Защетка Колдуна Паутина / А. Восьмой — «Автор», 2026

В ZZZR когда-то царили справедливость и доброта: жильё и лечение были бесплатными, еды хватало всем, а люди помогали друг другу. Но пришёл колдун Паутин — и за 30 лет превратил страну в ловушку страха. Кредиты под 500;%, тюрьмы за слово, бессмысленная война, ядовитые «напитки» и сигареты — система ломала души и тела, стирая память о светлом прошлом. Кира, инженер и Лина бросают вызов паутине зла: штурмуют мрачную башню, вскрывают ложь и зажигают искру восстания. Их путь — череда битв не только с врагами, но и с отчаянием, где каждое слово и поступок становятся оружием. Это эпическая сага о цене свободы: о том, как хрупка власть страха и как сильна воля тех, кто помнит, каким должен быть мир. О том, что даже в самой густой тьме можно найти свет — и превратить его в рассвет для целого народа.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Защетка Колдуна Паутина

Глава 1. «Рассвет, который не принёс света»

Небо над ZZZR не горело алым — оно было цвета остывшей золы. Рассвет не дарил надежды, он лишь обнажал уродство города, словно безжалостный хирург, срывающий бинты с гниющих ран.

Кира шла по пустынному кварталу, и каждый её шаг отдавался в груди глухим эхом. Ветер гнал по асфальту обрывки старых газет — жёлтые, ломкие, будто высохшая кожа. В воздухе висела серая пыль, тяжёлая и едкая, оседавшая на ресницах, въедавшаяся в горло. Она пахла металлом и чем-то ещё — чем-то мёртвым, давно забытым, но до боли знакомым.

В кармане Кира сжимала фотографию. Старая, потёртая по краям, с выцветшими красками. На ней была семья: мама с улыбкой, отец, держащий на руках маленького ребёнка, и бабушка, чуть склонившая голову, будто прислушиваясь к чему-то важному. Все они смеялись. В их глазах светилось то, чего теперь не было в ZZZR, — спокойствие. Уверенность, что завтра будет лучше. Что мир справедлив.

Сейчас это казалось сказкой. Чем-то из другого измерения.

Кира остановилась у облупившейся стены, где когда-то красовалась яркая мозаика. Теперь от неё остались лишь осколки, вмурованные в бетон, как застывшие слёзы. Она провела пальцем по шероховатой поверхности, и в голове вспыхнули обрывки воспоминаний — не её собственных, а тех, что передавались шёпотом из уст в уста, пока ещё можно было шептать.

Раньше здесь давали квартиры бесплатно. Учили, лечили, кормили. Люди улыбались друг другу на улицах. Теперь улыбки стали подозрительными, а доброта — опасной. Говорили, что Паутин высасывает свет из мира, капля за каплей, превращая радость в долг, а любовь — в расчёт.

Ветер вдруг резко рванул, швырнув в лицо горсть пыли. Кира зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела вдалеке тёмные силуэты. Патруль Паутина. Чёрные плащи, маски, скрывающие лица, и жезлы, мерцающие тусклым фиолетовым светом — говорят, они могли выжечь память одним касанием.

Она метнулась в тень подъезда, прижалась к холодной стене и затаила дыхание. Шаги звучали как приговор — чёткий, размеренный ритм, от которого стыла кровь. Патрульные прошли мимо, не заглянув в тёмный угол, но воздух ещё долго вибрировал от их присутствия, словно город вздрагивал от страха.

Когда шаги стихли, Кира снова вышла на улицу. Фотография в её руке казалась теперь не просто снимком — она стала флагом. Последним доказательством, что когда-то всё было иначе. Что свет существовал.

На углу, у полуразрушенного киоска, сидел старик. Его одежда была изношена до прозрачности, а в глазах плескалась усталость, смешанная с упрямой искрой чего-то живого. Он посмотрел на Киру, и в этом взгляде не было ни осуждения, ни жалости — только понимание.

— Ты ищешь прошлое, — прохрипел он, не поднимая головы. — Но прошлое здесь не живёт. Оно прячется. И если Паутин узнает, что ты его зовёшь... он заставит тебя забыть даже собственное имя.

Кира хотела спросить, как выжить в этом мире, но слова застряли в горле. Вместо этого она просто кивнула, будто принимая негласный договор: молчать, прятать, искать.

Старик протянул ей что-то маленькое, металлическое. Ключ. Ржавый, с причудливым узором на бороздке.

— Он от подвала под старой библиотекой. Там ещё остались книги. Те, которые не сожгли. И карты. Если хочешь знать, как всё началось... иди туда. Но помни: Паутин не любит, когда копают слишком глубоко.

Кира сжала ключ в ладони. Холод металла отрезвлял. Он напоминал, что впереди не сказка с добрым концом, а путь сквозь тьму, где каждый шаг может стать последним.

Она подняла голову и посмотрела на небо. Рассвет так и не принёс света. Но в груди разгоралось что-то новое — не надежда, нет. Это была решимость. Холодная, острая, как лезвие.

Город ZZZR забыл, как дышать свободно. Но Кира вспомнила. И теперь она собиралась напомнить об этом всем остальным.

Глава 2. «Паутина лжи: голос из репродуктора»

Репродуктор над перекрёстком хрипел, будто задыхался от собственной лжи. Из ржавой решётки вырывался голос — маслянистый, гладкий, как распалённый воск, и такой же обжигающий:

«Сегодня в стране ZZZR зафиксирован новый рекорд благополучия! Уровень счастья граждан достиг исторического максимума! Каждый житель ощущает заботу Великого Паутина и благодарит судьбу за своё процветание!»

Кира прижалась плечом к шершавой стене, стараясь слиться с тенью. Под ногами хрустели осколки стекла — то ли от разбитой витрины, то ли от чьих-то надежд. Воздух был густым, пропитанным пылью и горьким запахом отчаяния, который никто не решался назвать вслух.

Прямо под репродуктором, у закрытых дверей столовой, на обледеневшем бетоне сидел человек. Он не кричал, не стучал в дверь, не умолял — он просто сидел, уронив голову на грудь. Его пальцы судорожно сжимали пустой талон, словно бумага могла превратиться в хлеб от силы желания. Рядом валялась жестяная кружка, в которой когда-то, может быть, плескалось молоко. Теперь в ней отражалось серое небо — плоское, безжизненное, как приговор.

Из-за угла вынырнула женщина с ребёнком. Лицо у неё было серым от усталости, а глаза — пустыми, будто кто-то аккуратно вынул из них свет. Ребёнок цеплялся за её пальто, как за последнюю опору в этом рушащемся мире. Женщина остановилась, подняла взгляд на репродуктор, и на мгновение в её глазах вспыхнуло что-то похожее на гнев. Но вспышка тут же погасла — слишком опасно. Слишком дорого. Она потянула ребёнка за собой, и они растворились в серой толпе, как капли дождя в луже.

Кира сделала шаг вперёд, но тут же замерла: из переулка вынырнули двое в чёрных плащах. Патрульные Паутина. Их жезлы мерцали тусклым фиолетовым светом, и казалось, что воздух вокруг них сгущается, становится вязким, как смола. Один из них резко повернул голову, будто почуял чужой взгляд. Кира вжалась в стену, задержала дыхание. Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая даже хриплый голос репродуктора.

Патрульные прошли мимо, не заметив её. Но стоило им скрыться за поворотом, как воздух будто снова обрёл способность двигаться. Кира выдохнула, и этот выдох был похож на стон.

— Не смотри на них долго, — прошептали рядом.

Кира вздрогнула. Из полутёмного подъезда, опираясь на сучковатую трость, вышел старик. Тот самый, что вчера дал ей ключ. Его лицо было испещрено морщинами, похожими на трещины в пересохшей земле, а в глазах таилась древняя усталость — и вместе с тем упрямая искра, которую не смогли погасить ни страхи, ни годы.

— Они питаются не только криками, — продолжил старик, понизив голос до шёпота, который, казалось, боялся быть услышанным даже стенами. — Они питаются взглядом. Любопытством. Сомнением. Каждый раз, когда ты смотришь на несправедливость и не отводишь глаз, ты даёшь Паутину каплю силы. Он строит свою империю из наших страхов, из наших невысказанных вопросов.

Кира сжала кулаки. Пальцы до белизны впились в ладони.

— Но если молчать... если ничего не делать... разве это не значит, что он уже победил?

Старик горько усмехнулся, и эта усмешка была похожа на трещину в ледяной корке.

— Молчание бывает разным. Есть молчание раба — оно кормит Паутина. А есть молчание охотника — оно копит силу. Ты должна научиться различать их.

Он огляделся по сторонам, будто проверяя, не притаилась ли ложь в тенях, и наклонился ближе.

— Ты хотела знать, как всё началось? Тогда слушай. Тридцать лет назад, когда Паутин только пришёл, люди ещё смели задавать вопросы. Они выходили на улицы, требовали ответов, кричали, что не верят в его сказки. И знаешь, что он сделал? Он не стал убивать их всех сразу. Он сделал хуже: он заставил их сомневаться в собственном разуме. Он наводнил город голосами — этими самыми репродукторами, листовками, экранами. Он говорил одно и то же тысячу раз, пока правда не стала казаться бредом, а ложь — единственной опорой.

Старик замолчал, прислушиваясь к хриплому голосу над головой:

«В каждом доме царит уют! В каждом сердце — благодарность Великому Паутину! Страна ZZZR — образец гармонии и процветания!»

— Видишь? — прошептал старик. — Он не просто врёт. Он меняет реальность. Он заставляет людей верить, что голод — это изобилие, а страх — это безопасность. И чем громче они повторяют эту ложь, тем крепче становится его паутина.

Кира посмотрела на репродуктор. Металлическая коробка, изрыгающая сладкие слова, которые разъедали души, как кислота. Ей вдруг захотелось сорвать его со стены, разбить, заставить замолчать. Но она знала: на его место тут же появится другой. И ещё один. И ещё. Паутина была повсюду.

— А как её разорвать? — спросила Кира, и её собственный голос прозвучал непривычно твёрдо, будто она сама удивилась своей смелости.

Старик долго смотрел на неё, словно взвешивая, стоит ли доверять ей что-то большее, чем ржавый ключ. Потом медленно кивнул, будто принял решение.

— Паутин силён, пока мы верим, что он всемогущ. Его паутина держится на нашем страхе и нашем одиночестве. Разорвать её можно только вместе. Найди тех, кто ещё помнит, как звучала правда. Собери их. И когда вы заговорите все разом — его ложь захлебнётся.

Он протянул ей сложенный вчетверо листок, такой старый и потрёпанный, что края рассыпались в пальцах, как пепел.

— Это список. Имена тех, кто не забыл. Они прячутся, но они есть. Ищи их там, где тише всего: в подвалах, в заброшенных библиотеках, в тени пустых площадей. Но помни: пока репродукторы кричат о процветании, Паутин слышит каждый наш шёпот.

Кира спрятала листок в карман, рядом с фотографией. Холод металла ключа и хрупкость бумаги слились в одно ощущение — тяжести ответственности.

Над городом снова прокатился голос, сладкий и ядовитый:

«Страна ZZZR процветает! Каждый гражданин счастлив! Благодарность Великому Паутину!»

Но теперь Кира слышала за этими словами нечто другое — тихий, едва уловимый треск. Треск натянутой паутины, которая вот-вот должна была лопнуть.

Глава 3. «Тюрьма без стен: школа, ставшая клеткой»

Школа в ZZZR больше не пахла мелом и тёплым хлебом из столовой — она пахла ржавчиной, сыростью и чем-то горьким, похожим на пепел невысказанных слов. Коридоры, когда-то залитые солнечным светом, теперь тонули в тусклом жёлтом сиянии ламп, которые мерцали, будто сами боялись того, что освещали.

Кира шла по пустому пролёту, и каждый её шаг отдавался в груди тяжёлым эхом. Стены были увешаны плакатами: улыбающиеся лица, лозунги о «благодарности Великому Паутину», схемы «правильного мышления» и таблицы «нормативов послушания». Под каждым плакатом висела маленькая табличка: «За порчу — тюрьма. За сомнение — тюрьма. За вопрос — тюрьма».

Класс, в который она вошла, был похож на клетку с прозрачными прутьями: окна затянуты металлической сеткой, парты прикручены к полу, а над доской — экран, непрерывно транслирующий один и тот же ролик: счастливые дети радостно скандируют хвалу Паутину, пока за их спинами расцветают яркие фейерверки. Только Кира знала: эти дети давно не улыбаются. Их улыбки — это маски, вырезанные из бумаги и приклеенные страхом.

Учитель, господин Клык, стоял у доски, постукивая указкой по ладони. Его лицо было гладким, неестественно спокойным, как у восковой фигуры, и от этого становилось ещё страшнее. Он не смотрел на учеников — он смотрел сквозь них, словно они были не людьми, а строками в отчёте.

— Сегодня мы изучаем тему «Почему сомнение — это предательство», — произнёс он ровным, безжизненным голосом, и в этом голосе не было ни злости, ни страсти — только холодная уверенность в собственной правоте.

Ученики сидели, опустив головы, сцепив пальцы так крепко, что костяшки белели. Никто не шевелился. Никто не дышал слишком громко. В этом классе тишина была не покоем — она была дисциплиной, возведённой в абсолют.

Кира сжала под партой листок, который вчера дал ей старик, — тот самый, с именами. Бумага казалась обжигающе горячей, будто сама правда жгла пальцы. Она знала: если его найдут, её не просто выгонят. Её сотрут.

Господин Клык медленно прошёлся вдоль рядов, постукивая указкой. Звук был похож на тиканье часов, отсчитывающих последние секунды чьей-то свободы.

— Кто-нибудь хочет поделиться мыслями по теме урока? — спросил он, и в этой вежливой фразе прозвучала угроза, острая, как лезвие.

В классе не шелохнулись. Даже дыхание стало тише.

Вдруг дверь скрипнула, и в класс вошёл инспектор в чёрном плаще. Его лицо скрывала маска, но глаза — холодные, пустые, как две льдинки — скользили по рядам, выцепляя малейшее движение, малейший проблеск непокорности.

Он подошёл к столу учителя и положил перед ним тонкую папку. Господин Клык открыл её, пробежал глазами по строчкам и медленно кивнул.

— У нас есть список, — объявил он, не повышая голоса, но в этой тишине его слова прозвучали громче любого крика. — Список тех, кто проявляет признаки неблагонадёжности. Кто задаёт вопросы. Кто смотрит слишком долго. Кто улыбается не так, как положено.

Инспектор достал из папки несколько фотографий и разложил их на столе. На одной из них была девушка с растрепанными волосами, на другой — парень с упрямым взглядом, на третьей... Кира едва сдержала дрожь: на третьей была женщина, очень похожая на её мать.

— Эти люди нарушили главное правило: они думали, — продолжил господин Клык. — А думать в ZZZR — это роскошь, которую может позволить себе только Паутин.

По классу прокатился тихий, едва уловимый вздох — не страха, нет. Это был звук разбивающихся надежд.

Кира почувствовала, как внутри что-то сжалось, превращаясь в твёрдый, холодный комок. Она вспомнила слова старика: «Паутин питается страхом. Но он боится правды». И вдруг поняла: даже мысль о сопротивлении — это уже удар по его паутине. Не громкий, не разрушительный... но первый.

Когда урок закончился, ученики выходили из класса, не глядя друг на друга. Каждый был сам по себе — именно этого и добивался Паутин. Разобщённые, одинокие, они были бес-
сильны.

Но Кира не пошла с толпой. Она задержалась у доски, делая вид, что поправляет лямку рюкзака, и незаметно скользнула в подсобку, где пахло старой краской и забытыми мечтами. Там, за стопками пожелтевших учебников, она нашла то, что искала, — маленькую дверцу, ведущую в вентиляционный лаз.

Из темноты на неё смотрели чьи-то глаза.

— Ты пришла, — прошептал голос.

Это был тот самый мальчик, которого она видела вчера у столовой. Сейчас он выглядел иначе: в его взгляде не было той пустой тишины — в нём горел огонёк упрямства.

— Я знаю про список, — сказал он, кивнув на листок, который Кира всё ещё сжимала в руке. — И я знаю, где они держат настоящие архивы. Не те, что показывают на уроках, а те, где записано, каким был ZZZR до Паутина.

Кира посмотрела на него, и впервые за долгое время ей показалось, что она не одна.

— Зачем тебе это? — спросила она.

Мальчик горько усмехнулся.

— Потому что если мы не вспомним, каким был мир раньше, мы никогда не сможем его вернуть. А если нас поймают... что ж, пусть лучше нас помнят, чем просто сотрут из списков.

Они выбрались через лаз в заброшенный коридор, где штукатурка осыпалась, обнажая старые фрески: улыбающиеся дети, цветущие сады, солнце, которое светило по-настоящему. Эти изображения были замазаны чёрной краской, но сквозь неё всё ещё проступали яркие пятна — как воспоминания, которые не удаётся до конца стереть.

Кира коснулась одной фрески, и под пальцами осталась серая пыль. Она посмотрела на свои руки и вдруг поняла: эта пыль — не просто грязь. Это пепел прошлого, который они должны собрать, чтобы разжечь новое пламя.

Город ZZZR хотел, чтобы они забыли. Хотел, чтобы они стали послушными теньями. Но Кира больше не собиралась быть тенью. Она собиралась стать голосом — тихим, но упрямым. Голосом, который не заглушат ни репродукторы, ни списки, ни страх.

И когда они с мальчиком спустились в подвал, где пахло сыростью и свободой, Кира прошептала:

— Мы найдём тех, кто помнит. И мы расскажем правду. Даже если для этого придётся говорить шёпотом в темноте.

Паутина была крепкой. Но даже самая прочная паутина рвётся, если тянуть за все нити сразу.

Глава 4. «Тени в очереди: битва за крошку хлеба»

Очередь начиналась ещё до рассвета — длинная, изломанная змея из человеческих тел, вцепившихся друг в друга не от тепла, а от страха потерять место. Она тянулась по разбитому асфальту, огибала руины магазина, ныряла в переулок, где стены были исписаны выцветшими лозунгами, и исчезала где-то за горизонтом, сливаясь с серой дымкой города.

Люди стояли молча. Не потому, что не о чем было говорить, а потому, что слова здесь стоили слишком дорого. Каждый выдох казался расточительством, каждая улыбка — подозрительной, каждый взгляд — вызовом. Лица растворились в общей серости: все стали номерами, выжженными невидимым клеймом в сознании. Номер 317. Номер 892. Номер 14. Никто не помнил имён. Имена были роскошью, которую Паутин давно отменил.

Кира пристроилась в хвост очереди, чувствуя, как холод пробирается под куртку, царапает кожу, забирается внутрь и там сворачивается тугим узлом. В кармане она сжимала фотографию семьи — теперь это был не просто снимок, а якорь, удерживающий её от превращения

в безликий номер. Рядом шуршали, переминались, вздыхали. Кто-то тихо плакал, но звук тут же глож, растворяясь в общем гуле усталости.

Над толпой, на покосившейся опоре, висел репродуктор. Он хрипел, будто ему было больно говорить:

«Сегодня страна ZZZR отмечает новый рубеж благополучия! Нормы выдачи пайков увеличены! Каждый гражданин ощущает заботу Великого Паутина!»

Люди не смотрели вверх. Они смотрели только вперёд — на железную дверь столовой, за которой пряталась крошечная надежда. Дверь была оббита листами металла, по которым бежали трещины, похожие на морщины на старом лице. У входа стояли двое охранников в чёрных плащах. Их лица скрывали маски, а в руках они держали жезлы, от которых воздух будто становился гуще, тяжелее.

Вдруг впереди раздался резкий звук — кто-то споткнулся, упал, и очередь вздрогнула, как раненое животное. Охранники не бросились помогать. Они лишь переглянулись, и один из них лениво махнул жезлом. Толпа тут же сжалась, втянула головы, стала меньше, незаметнее. Упавшего подняли чужие руки — без слов, без сочувствия, просто чтобы не мешал движению машины, которая перемалывала людей в послушную массу.

Кира почувствовала, как внутри поднимается горячая волна гнева — острая, обжигающая. Она хотела крикнуть, хотела сказать, что так нельзя, что люди — не номера, не детали механизма. Но тут чья-то рука легла ей на плечо — лёгкая, но твёрдая, останавливающая.

— Не надо, — прошептал голос рядом. — Здесь крик не спасает. Он только кормит паутину.

Рядом стоял мужчина. Его лицо было изрезано морщинами, а глаза смотрели так, будто видели не очередь, не толпу, а что-то гораздо большее — план города, скрытые ходы, невидимые нити власти. Он был старше Киры лет на двадцать пять, может, тридцать. В его движениях чувствовалась привычка всё рассчитывать, всё взвешивать — привычка инженера, привыкшего чинить мир, а не просто жить в нём.

— Я видел, как ты сжимаешь кулаки, — продолжил он, не глядя прямо на Киру, будто боялся привлечь внимание. — Это хорошо. Значит, ты ещё не сдалась. Но здесь нужно быть тише. И умнее.

Кира хотела спросить, кто он такой, но вместо этого прошептала:

— А разве можно быть умным в этом городе? Разве это не преступление?

Мужчина горько усмехнулся, и эта усмешка была похожа на трещину в бетонной стене.

— Преступление — это забыть, как думать. А думать можно даже стоя в очереди за пайком. Я раньше был инженером. Строил мосты, проектировал тоннели, верил, что делаю мир лучше. Теперь я строю планы, как выжить и как вернуть этот мир обратно.

Он чуть наклонился ближе, и Кира почувствовала запах машинного масла и старой бумаги — запах прошлого, которое ещё не до конца умерло.

— Под городом есть тоннели, — прошептал он. — Старые, заброшенные, но кое-где ещё держатся. По ним можно передвигаться, не попадая под глаза патрулей. Там собираются те, кто ещё помнит, каким был ZZZR до Паутина. Они хранят карты, документы, даже старые учебники — всё, что власти пытались стереть.

Кира сжала фотографию в кармане.

— Зачем вам это? Зачем рисковать?

Инженер посмотрел на неё долгим взглядом, в котором было столько усталости и столько решимости, что Кира вдруг поняла: перед ней стоит человек, который уже потерял всё, но всё ещё готов бороться.

— Потому что если мы не сохраним память, то проиграем окончательно. Паутин хочет, чтобы мы стали теньями — без прошлого, без имён, без надежды. Но тени не могут строить будущее. А я всё ещё хочу строить.

Очередь медленно ползла вперёд, как умирающее чудовище, делающее последние судорожные вздохи. Впереди раздался крик — резкий, отчаянный. Кто-то умолял дать ему хоть немного еды для ребёнка. Охранники равнодушно переглянулись. Один из них поднял жезл, и в воздухе вспыхнул тусклый фиолетовый свет. Крик оборвался, как перерезанная нить. Толпа сжалась ещё сильнее, будто пытаясь стать невидимой.

Кира почувствовала, как по спине пробежал ледяной озноб. Она посмотрела на инженера. Тот не вздрогнул. Только его пальцы чуть сильнее сжали край куртки, выдавая напряжение.

— Вот так он и держит нас, — тихо сказал он. — Страхом. Голодом. Одиночеством. Но знаешь, что самое страшное? То, что мы начинаем верить, что это нормально. Что так и должно быть.

Дверь наконец открылась, и из неё вышел служащий с металлическим ящиком. Он начал выкрикивать номера, и люди, словно куклы, дёргались вперёд, протягивая дрожащие руки. Каждый паёк был не просто едой — это была отсрочка, крошечный шанс прожить ещё один день.

Когда дошла очередь до Киры, служащий бросил ей в руки маленький свёрток. Бумага была грубой, шершавой, а внутри лежала тонкая лепёшка — сухая, почти безвкусная, но для Киры она была тяжелее камня. Это была цена её дня. Цена её молчания. Цена её страха.

Инженер получил свой паёк и тут же спрятал его в карман, будто стыдясь самого факта, что ему приходится брать эту жалкую подачку.

— Сегодня вечером я покажу тебе один вход в тоннели, — прошептал он, когда они отошли от столовой, растворяясь в серой толпе. — Там безопасно. Там можно говорить. И там есть люди, которые не забыли, как строить мосты. Не только из бетона.

Кира посмотрела на лепёшку в своей руке. Она не могла съесть её сейчас. Еда застряла бы в горле, как горькая правда. Вместо этого она завернула её в бумагу и спрятала в карман — для того мальчика, которого видела вчера. Для тех, кто ещё не научился быть тенью.

Город ZZZR хотел, чтобы они забыли вкус нормальной еды, забыли имена друг друга, забыли, что когда-то жили иначе. Но Кира чувствовала, как в груди разгорается упрямое пламя — не ярости, нет. Это было пламя памяти. Оно горело тихо, почти незаметно, но оно было. И пока оно горело, Паутин не мог победить окончательно.

Они шли по улицам, сливаясь с тенями, становясь частью серого пейзажа. Но теперь Кира знала: под этим серым городом есть другой — тёмный, забытый, но живой. И в нём ещё теплится надежда.

Паутина оплела весь ZZZR, но даже самая крепкая паутина не может удержать тех, кто знает, где находятся скрытые ходы. И Кира была готова пройти по этим ходам до самого сердца тьмы — чтобы вернуть свет.

Глава 5. «Беззубый город: клиника, где лечат молчанием»

Клиника в ZZZR не пахла лекарствами — она пахла пылью, ржавчиной и тишиной, которая была страшнее любого крика. Это была тишина обречённости, тишина, в которой люди учились не надеяться.

Кира бежала по переулку, прижимая к груди свёрток с остатками пайка — не для себя, а для соседки, тёти Марины. Та уже третий день не вставала с кровати: её трясло от лихорадки, кожа стала серой, а дыхание — тонкой, едва слышной нитью, готовой оборваться в любой момент. Кира знала: если не найти помощи сейчас, нить порвётся.

У входа в клинику висел плакат: «Здоровье — забота Великого Паутина!» Буквы были яркими, почти издевательски весёлыми, а под ними — железная табличка: «Приём строго по талонам. Жалобы не принимаются».

Внутри холл напоминал заброшенный вокзал: облупившиеся стены, ряды жёстких скамеек, на которых люди сидели, опустив головы, будто стыдясь самой своей слабости. В воздухе висел запах сырости и чего-то кислого, будто само здание болело вместе с пациентами. У стойки регистрации стояла очередь из тех, кто ещё мог стоять. Остальные лежали прямо на полу, завернувшись в старые одеяла, как в саваны.

За стеклом сидела регистраторша. Её лицо было гладким, безэмоциональным, словно вырезанным из воска. Она не смотрела на людей — она смотрела сквозь них, как будто они были не пациентами, а строками в бесконечном отчёте.

— Мне нужно к врачу, — выдохнула Кира, стараясь говорить твёрдо, хотя голос дрожал от страха и усталости. — Моя соседка умирает.

Регистраторша медленно подняла глаза. В них не было ни сочувствия, ни раздражения — только механическая усталость.

— Талон?

Кира сжала кулаки. Талона у неё не было. Их выдавали раз в месяц, и на всех не хватало.

— Пожалуйста, — прошептала она, и это слово царапнуло горло, как стекло. — Она не может ждать.

Регистраторша чуть наклонила голову, будто прислушивалась не к словам, а к чему-то другому — к тишине, к страху, к самой паутине власти, которая оплела этот город.

— Без талона — никакого приёма. Таков порядок Великого Паутина.

Кира почувствовала, как внутри поднимается волна отчаяния, горячая и горькая. Она хотела закричать, хотела разбить это стекло, заставить кого-нибудь услышать. Но тут чья-то рука легла ей на плечо — лёгкая, но твёрдая.

Это был инженер, тот самый, что вчера шептал ей про тоннели. Его лицо было усталым, но в глазах горел упрямый огонёк, который не могла погасить даже эта серая тишина.

— Не трать силы на крик, — тихо сказал он. — Здесь крик — это топливо для паутины.

Он подошёл к стойке и спокойно, почти буднично произнёс:

— У меня есть талон. Но я отдам его девочке. Ей нужно к врачу.

Регистраторша посмотрела на него, и на мгновение в её глазах мелькнуло что-то похожее на человеческое чувство — то ли удивление, то ли тень сожаления. Но она тут же спрятала это за маской равнодушия.

— Талон непередаваем. Это нарушение порядка.

Инженер чуть улыбнулся — горько, без радости.

— Тогда запишите её как мою родственницу. Я отвечаю за неё.

Регистраторша помолчала, будто взвешивая слова, будто каждое из них было грузом, который она не хотела нести. Потом медленно кивнула.

— Хорошо. Но помните: ответственность — это не пустое слово в ZZZR.

Киру провели в кабинет. Врач, доктор Шрам, сидел за столом, уставившись в экран, на котором бежали бесконечные строки цифр. Его халат был выцветшим, а руки — дрожащими. Он не смотрел на пациентов. Он смотрел только на цифры, будто они могли спасти мир, если сложить их правильно.

— Что случилось? — спросил он, не поднимая глаз.

Кира рассказала про тётю Марину: про лихорадку, про слабость, про то, как тяжело ей дышать. Доктор Шрам слушал, кивая, но Кира чувствовала: он не слышит её. Он слышит только приказы, только нормативы, только голос, который шепчет ему: «Не трать ресурсы. Не надейся на надежды».

Когда она закончила, доктор наконец поднял глаза. В них была усталость, глубокая, как пропасть.

— Я не могу дать ей лекарство, — тихо сказал он, и эти слова прозвучали как приговор. — У нас нет нужных препаратов. Нормативы Паутина не предусматривают лечение таких случаев.

Кира вцепилась пальцами в край стула, будто он мог удержать её от падения в эту пропасть.

— Но она умрёт! — прошептала она, и голос её дрожал, но не от страха — от ярости, острой и холодной. — Вы же врач! Вы должны что-то сделать!

Доктор Шрам сжал кулаки так, что костяшки побелели. На мгновение маска равнодушия треснула, и Кира увидела в нём живого человека — человека, который когда-то давал клятву, который когда-то хотел спасти жизни.

— Я хочу помочь, — прошептал он, и его голос был похож на стон. — Но если я дам ей лекарство без разрешения, меня заберут. Мою семью заберут. А её всё равно не спасти — не с теми ресурсами, что у нас есть. Паутин не хочет, чтобы мы лечили. Он хочет, чтобы мы просто фиксировали смерть.

Кира почувствовала, как мир вокруг неё становится серым, бесформенным, как туман, в котором тонут все надежды. Но в этом тумане вдруг вспыхнула одна яркая точка — правда, горькая и обжигающая.

— Значит, это не случайность, — прошептала она. — Это план. Паутин разрушает медицину специально. Он хочет, чтобы люди умирали тихо, чтобы никто не задавал вопросов, чтобы страх и боль стали нормой.

Доктор Шрам посмотрел на неё долгим взглядом, в котором было столько боли, что Кира едва сдержала слёзы.

— Ты умная девочка, — тихо сказал он. — Слишком умная для этого города. Береги себя. И береги тех, кого пытаешься спасти. Потому что здесь спасение — это тоже преступление.

Он протянул ей маленький пузырёк с прозрачной жидкостью.

— Это не лекарство. Это просто обезболивающее. Оно не вылечит, но хотя бы снимет боль на несколько часов. Больше я ничего не могу сделать.

Кира взяла пузырёк. Стекло было холодным, как лёд, и таким же хрупким. Она кивнула, не в силах сказать спасибо — слова застряли в горле, превратившись в комок, который жёг изнутри.

В коридоре её ждал инженер. Он не спрашивал, что сказал врач. Он просто посмотрел на неё и понял всё по её глазам.

— Пойдём, — тихо сказал он. — Я знаю место, где ещё помнят, как лечить. Не по нормативам Паутина, а по-настоящему. Там есть люди, которые прячут лекарства, которые собирают знания, которые не хотят, чтобы медицина умерла окончательно.

Они вышли на улицу, и холодный ветер тут же впился в кожу, будто хотел стереть с них следы этой клиники, этого отчаяния. Но Кира знала: она никогда не забудет этот запах сырости, этот взгляд доктора, эту тишину, в которой умирали надежды.

Город ZZZR хотел, чтобы люди забыли, что такое настоящая помощь, чтобы привыкли к боли, как к фоновому шуму, чтобы перестали просить о спасении. Но Кира не собиралась привыкать. Она собиралась бороться — тихо, осторожно, но неумолимо.

Паутина оплела медицину, превратив её в иллюзию, в декорацию, за которой пряталась смерть. Но под этой декорацией ещё теплилась жизнь — в тайных убежищах, в спрятанных лекарствах, в людях, которые не забыли, что клятва врача — это не пустой звук.

И Кира была готова пройти через все тени этого города, чтобы найти тех, кто ещё помнит. Потому что пока есть хоть один человек, который отказывается сдаваться, паутина не может победить окончательно.

Глава 6. «Ипотечный кошмар: дом, который пожирает души»

Дом № 17 по улице Серого Ветра не просто стоял — он нависал над кварталом, как огромная тень, готовая в любой момент рухнуть и похоронить под собой всё живое. Кирпичи потемнели от времени и копоти, окна зияли чёрными провалами, а в некоторых из них мерцали тусклые огоньки — не от ламп, а от цифр, бегущих по экранам долговых терминалов. В ZZZR даже стены научились напоминать о долгах.

Кира шла вдоль фасада, чувствуя, как холод пробирается под куртку, будто сам дом пытался её оттолкнуть, не пустить внутрь, сберечь от того, что ждало за каждой дверью. В воздухе висел запах сырости и чего-то металлического — будто где-то рядом ржавела сама надежда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.